

ВИТАЛИЙ РОМАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАРИАНТ «ЗОМБИ»

Виталий Романов
Вариант «Зомби»

«ЭКСМО»

2007

Романов В.

Вариант «Зомби» / В. Романов — «Эксмо», 2007

© Романов В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виталий Романов

Вариант «Зомби»

На карте России много «белых пятен» черного цвета.

Пролог

– Покурить бы, – очень тихо, почти беззвучно, выдохнул боец в маскхалате, опустив прибор ночного видения.

Никто не отозвался. Наблюдатель поежился, завозился на месте, устраиваясь поудобнее. Он лежал на холодных камнях уже второй час и, несмотря на теплую одежду, мечтал о том, чтобы побыстрее сдать «вахту». Отползти назад, подняться на ноги, разогнать застоявшуюся кровь. Человек взглянул на небо, вновь прижал к глазам ПНВ. До рассвета оставалось совсем немного времени. Казалось невероятным, что беглецы, пропустив самое темное время суток, попытаются миновать заслон именно сейчас.

– Чертово лето! – недовольно пробурчал наблюдатель, энергично шевеля пальцами ног, чтобы кровь побежала быстрее. – Где этот долбаный полярный день? Где теплая погода? Чуть ли не ноль градусов. Одуреть можно...

– Какое лето? – послышалось из «улитки», вставленной в ухо. Один из «камней» на соседнем склоне зашевелился, изменил форму. – До лета еще дожить надо, и – не забывай – мы за Полярным кругом.

– Тот, кто будет болтать на вахте, точно до лета не доживет! – долетело до обоих. – Дак не пойдут они, командир... – усмехнулся человек с ПНВ. – Не пойдут. Что ж они, идиоты, переть? Через полчаса светло будет...

– Молчать! – злобно прохрипел командир отряда ликвидаторов: – Молчать и выполнять приказы!

– Есть, товарищ бывший подполковник внутренних войск! – шутливо оскалился наблюдатель. Карикатурно вскинул руку к виску: – Разрешите бегом?

– Ты... падла... – пистолет с глушителем ткнулся в висок «мятежному» бойцу. – Ты щас здесь, среди сопки, навсегда останешься! Вместе с теми, кого мы ловим, понял?

– Ты чего разошелся-то, командир? Пошутил я!

– Да я тебя... Я пристрелю тебя, урод! И никто – слышишь, никто – ни одна конторская крыса не спросит с меня за это! Потому что здесь, – подполковник ВВ махнул стволом, обводя сопки. – Здесь и сейчас только я решаю, кто имеет право жить, а кто нет! Все ясно?

– Так точно!

– И если ты хоть раз...

– Ш-ш-ш... – предостерегающе шикнул второй наблюдатель, разом меняя позу, «перетекая» в другое положение, так, что ствол снайперской винтовки чуть выдвинулся вперед, наклонился. Рука бойца легла на приклад. – Ш-ш-ш...

– Что там, Бросов? Докладывай! – подполковник Смердин мигом забыл про лекцию, которую только что собирался прочесть бойцу, оказавшемуся на позиции рядом с командиром группы и проявившему излишнее легкомыслие.

– Сейчас... сейчас! – Бросов что-то высматривал на склоне сопки в полтора сотнях метров от позиции. – Пока не видно... Сейчас... Ага! Есть! Вот он!

– Рохлин! Дай ПНВ! – отрывисто приказал Смердин и за несколько секунд очутился рядом с наблюдателем, обнаружившим движение. – Где? Показывай!

– Смотрите, товарищ подполковник, – чуть подкорректировав направление, сказал боец. – Вон он! Спускается по трещине, маскируясь.

– Точно! – оскалился Смердин. – Молоток, Бросов! Как ты его заметил?! Или нет, ведь ты сигнал дал до того, как уловил движение... Почувствовал, что ли? Как в «зеленке», на Кавказе?

– Ага, – тихо ответил боец. – Вдруг понял, что там кто-то есть. А потом и глазами засек.

– Отлично, Бросов! Считаю, премию ты уже заработал. Теперь дело за малым – уложить всю группу, а потом и в Москву мотаем, за гонораром.

– Вашими бы устами, да мед пить, – радостно ответил боец. – Мы...

– Где же остальные?! – вдруг забеспокоился подполковник. – Мне не нужен один! Все нужны. Здесь и сейчас. Неужто опять игру какую затеяли?!

– Не, все должны быть, – рискнул подать голос проштрафившийся Рохлин. Он до сих пор не мог проверить в то, что упустил премию за обнаружение беглецов. Но еще больше вспоминал ствол пистолета, приставленный к виску. – Все должны идти, товарищ подполковник.

– Вижу второго, он наверху. Пещера какая-то, что ли, – доложил Бросов. – Там остальные, похоже. Ждут, как пройдет разведчик.

– Точно! – обрадовался Смердин.

– Шас мы их перешиплем, как курей, – радостно хмыкнул Рохлин.

– Цыть! – рассердился Смердин. – Все, конец базарам! Работаем.

Подполковник еще раз поверил связь. Несколько раз постучал пальцем по динамику, расположенному возле губ, потом негромко, но очень четко произнес:

– «Первый», здесь «Первый». Проверка.

– «Второй» на связи, – тут же откликнулась «улитка» в ухе.

– «Третий» слушает, – хрюкнула она секундой позже.

– Внимание! Есть контакт. Северо-западная часть сопки, ориентир – раздвоенная вершина. Сто пятьдесят – двести метров прямо передо мной. Вниз спускается разведчик. Не трогать. Дать втянуться туда всем! Как поняли?

– Есть!

– Ждем, командир.

В преддверии лета полярная ночь коротка, хотя по-прежнему холодна. Но люди, ожидавшие в засаде много часов подряд, забыли обо всем. Напрягая глаза, они старательно высматривали в предрассветной мгле силуэты беглецов. Мутанты несколько дней подряд уходили от погони, каким-то нечеловеческим чутьем угадывали заслоны, избегали ловушек.

Игра подходила к концу. До того момента, как солнце должно было приподняться над макушками сопки, оставалось еще несколько часов, но с каждой минутой становилось светлее и светлее. Скучное освещение по-прежнему не позволяло рассмотреть детали на большом расстоянии, но уже без прибора ночного видения можно было отличить движущуюся тень на фоне покрытых мхом и травой скал.

– «Первый», «первый», я «второй»! – заворчался в динамике голос наблюдателя, сидевшего в другом «гнезде». – Вижу еще двоих, начали спуск в ложбину, вслед за «разведчиком».

– Ага! – мрачно выдохнул Смердин.

Оба бойца, находившиеся рядом с подполковником, невольно покосились на командира отряда ликвидаторов. Больше всего Дмитрий Смердин напоминал каменную глыбу, изготовившуюся рухнуть на голову зазевавшегося неудачника. Выпятив квадратный подбородок и сжав мощные кулаки, офицер неотрывно следил за маленькими, едва различимыми фигурками на противоположном склоне.

– «Первый» на связь, я «третий»! – пискнул динамик. – Вижу последнего! Он тоже начал спуск в распадок. Готов накрыть его, позиция для выстрела отличная.

– Принято! – выдохнул Смердин.

Он быстро глянул на бойцов, находившихся рядом, дал знак: «Приготовиться!».

Бросов и Рохлин мгновенно припали к прицелам снайперских винтовок.

– «Второй», «третий»! – позвал Смердин. – Я «первый»! Четыре цели в распадке. Огонь на поражение по моей команде. Повторяю: огонь на поражение по моей команде! Бросов – тех, что идут вместе. Рохлин – «разведчика». «Третий» – замыкающего. «Второй» – работаешь на подстраховке. Добивать тех, кто движется. Приготовились!

Бойцы застыли среди камней, готовясь поразить указанные цели. Подполковник замер, словно бы наслаждаясь мгновением триумфа. Он преследовал этих беглецов третьи сутки подряд. Не один раз проигрывал странному квартету нелюдей, ускользавшему из грамотно расставленных ловушек. Потерял несколько проверенных бойцов, с которыми прошел многое, как во внутренних войсках, так и позже, в силовой структуре компании «Норднефтегаз».

И вот теперь, в предраассветной мгле, среди сопok Кольского полуострова, беглецы оказались в его власти. Миг победы!

– Огонь! – коротко приказал Дмитрий Александрович Смердин.

Рохлин стрелял «разведчику» в голову, и тот, едва поднявшись, чтобы преодолеть очередную преграду, так и остался висеть на камне. Бросов, которому требовалось в спринтерском темпе поразить две цели, целился в корпус. Подполковник с удовлетворением отметил, что парень не промахнулся. Первый «клиент» Бросова, нелепо взмахнув руками, отлетел назад, к покрытой мхом стене. Второй, покачнувшись, устоял на ногах, но лишь затем, чтобы получить еще одну пулю от снайпера и медленно осесть на землю.

– Четвертого не вижу, – озабоченно произнес подполковник. – Где он?

– Порядок, – уверенно ответили из другого «гнезда». – Лежит, неподвижно.

– Так, быстро! – Смердин выпрямился, расправил квадратные плечи, словно стряхивая невероятный груз. – Туда! Проверить, есть ли кто живой. Добить!

– Добить или притащить на допрос? – уточнил Рохлин.

– Добить на месте! – жестко приказал подполковник. – Добить, все трупы – вон в ту расщелину.

Бойцы, покинув огневые точки, резво направились в сторону неподвижных тел.

– Связь с центром! – отрывисто приказал Смердин, не дожидаясь результатов.

Он был уверен в том, что беглецы мертвы. Или, в крайнем случае, будут мертвы спустя минуту-другую. Даже если они – нелюди. Даже если обладают нечеловеческими способностями к регенерации. Выстрел в затылок – и полная гарантия, что проблема устранена. Впрочем, потребуется еще «убрать» трупы. Но это задача совсем другого уровня...

Трубка, чем-то напоминавшая древний – большого размера – «мобильник», возникла у него в руке почти мгновенно. Вытянув антенну, Смердин приложил аппарат к уху.

– Алло! – сказал он, по многолетней привычке вытягиваясь по стойке «смирно», хотя на другом конце спутниковой линии был гражданский человек. – Докладываю: проект «Шельф» полностью свернут!

* * *

Совершенно секретно

Единств. экз.

Президенту ЗАО «Компания „Норднефтегаз“

Крутову О.А.

от начальника аналитической группы

Соколова Ю.П.

Аналитическая записка № 14/54а

Настоящим извещаю Вас, что военно-морские силы Российской Федерации на прошедшей неделе зафиксировали учения войск Североатлантического блока на территории Норвегии и в государственных водах вышеуказанной страны. В ходе учений вновь, как и в 1999 году, отработывались действия вооруженных сил в конфликте, возникшем из-за неурегулированности вопросов разграничения экономических зон континентального шельфа.

Ранее аналитической группой неоднократно отмечалось, что за последние годы в Арктике резко активизировались подводные лодки вооруженных сил США – на территориях, прилегающих к государственным границам России. Вновь, как и в предыдущем докладе, позволю себе сделать акцент на том факте, что в связи с нарастающей напряженностью в странах Персидского залива и непрерывным ростом цен на сырую нефть, ряд стран, в частности США, Великобритания, Франция, Германия, активно ищут альтернативные источники поставки нефтепродуктов и сырой нефти.

На лодках ВМС США, действующих вблизи – на грани фолы – территорий Российской Федерации, установлены новейшие системы для картографирования морского дна и донных отложений.

Потенциал арктического шельфа в границах российских полярных владений превышает 88 миллиардов тонн условного топлива. При нынешнем уровне цен это превышает 10 (десять) триллионов долларов.

В свете положения дел в странах Персидского залива, а также естественной убыли сырой нефти по причине постоянного роста ее потребления, можно быть уверенными в том, что уже в ближайшие годы на Россию будет оказано существенное давление с целью сокращения полярного сектора РФ.

Необходимо жесткое закрепление континентального шельфа России в Арктике, несмотря на то, что работа с Государственной Думой, правительством РФ, представительством ряда европейских стран повлечет за собой немалые затраты. Компания «Норднефтегаз» могла бы стать пионером в части освоения запасов нефти на арктическом шельфе, однако для этого требуется произвести венчурные вложения капитала.

Аналитическая группа полагает, что столь существенные затраты финансовых ресурсов компании возможны лишь после снижения риска переоценки (завышенной оценки) месторождений, а именно – после проведения детальных геологоразведочных работ в местах наиболее вероятного нахождения сырья.

Местом проведения геологоразведочных работ может стать Земля Франца-Иосифа (ЗФИ). В научной прессе неоднократно появлялись статьи, свидетельствующие о том, что на архипелаге могут находиться значительные запасы нефти.

(Цитаты из статьи Б.А.Клубова «Проявления природных битумов на арктических окраинах Евразии и Северной Америки», ВНИГРИ:

«Мезозойские отложения осадочно-вулканогенного комплекса Земли Франца-Иосифа являются... продолжением на восток осадочных отложений Шпицбергена...»

...платформенные осадочные разрезы мезозоя Гренландии, Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа как бы продолжают и дополняют друг друга...»

...Все это достаточно убедительно свидетельствует о том, что в пределах архипелага Земля Франца-Иосифа и особенно в юго-западной части острова Земля Вилькека на глубине имеются газонефтяные залежи, положение которых предстоит еще установить...»

...Проявление природных битумов на Шпицбергене и Земле Франца-Иосифа отчетливо подтверждают наличие на определенных участках данных островных территорий газонефтяных залежей, которые необходимо опосредовать...»

Считаю необходимым подчеркнуть (особо подчеркнуть!), что разведработы на данной территории сопряжены с большим политическим и экономическим риском. В настоящее время невозможно проводить изыскания легально, получив соответствующее разреше-

ние от правительства Российской Федерации. Архипелаг находится в пограничной зоне. С 1994 года создан государственный природный заказник федерального подчинения «Земля Франца-Иосифа» (постановление правительства РФ № 1571-р). Заказник занимает весь архипелаг Земля Франца-Иосифа, прилегающую акваторию Баренцева моря и Северного Ледовитого океана.

Более подробная справка по архипелагу Земля Франца-Иосифа.

ЗФИ – это целая россыпь островов. Их общее число – сто девяносто один. Общая площадь – шестнадцать тысяч сто тридцать четыре квадратных километра. Протяженность архипелага по широте – триста семьдесят пять километров, по долготе – двести тридцать четыре километра. Большая часть территории безжизненна, земля покрыта ледниками. Крупные острова полностью находятся подо льдом (за исключением прибрежной полосы). На мелких – ледников нет совсем.

Климат очень суров. Ураганные ветры достигают скорости сорок метров в секунду, среднегодовая температура – минус двенадцать градусов Цельсия, временами (зимой) температура опускается до пятидесяти градусов ниже нуля. Лето короткое, продолжается около полутора месяцев (июль, август). Средняя температура в этот период – в районе нуля градусов. Часто бывают туманы, полная нижняя облачность (что облегчает незаметную выброску исследовательской группы и оборудования в выбранную точку).

Рельеф преимущественно равнинный, холмы и возвышенности обычно не превышают пятисот метров. На островах множество озер ледникового происхождения. В летний период появляются реки, протяженность наибольших из них – до пятнадцати-восемнадцати километров.

На островах Земли Александры и Рудольфа работают полярные станции. На острове Хейса – геофизическая обсерватория. Во времена СССР количество полярников, зимовавших на станциях, достигало ста пятидесяти человек. В настоящее время группы исследователей небольшие – по два-четыре человека.

Особое значение архипелаг имеет в военном отношении. Острова ЗФИ могут быть использованы для размещения на них радаров и средств раннего оповещения об угрозе нападения. Ядерные ракеты, которые могли бы быть расположены на островах, способны достигать территории США и Канады за считанные минуты.

На островах находится погранзаезда Нагурская (схема объектов в приложении к документу).

Ранее на архипелаге базировался полк дальней авиации. Однако, по последним сведениям, после сокращения численности армии военные ушли с ЗФИ, оставив на островах свалки отработанного ГСМ, бочки с горючим, бытовой мусор (что, опять же, способствует маскировке оборудования компании «Норднефтегаз» под старый хлам).

В последние годы резко вырос экологический туризм – в летний период острова посещают организованные группы (в основном иностранцы, так как стоимость путевки колеблется от одной до двух тысяч долларов). Группы доставляются на архипелаг с помощью атомохода «Ямал», а также дизельного ледокола «Капитан Драницын», который Мурманское морское пароходство (владелец судна) перестроило в соответствии с новыми, современными пассажирскими стандартами.

Несмотря на высокую стоимость билетов и суровый климат, туры раскупаются полностью. Путевки реализуют сразу несколько операторов. Цитаты из рекламных буклетов:

«Может быть, это самое удивительное место на всей планете. Здесь нет четырех сторон света: куда ни повернешь – юг, и все ветры дуют туда. Над этой „макушкой мира“ вместе с суточным вращением Земли никогда не восходят и не заходят звезды, а главная – Полярная, маяк всех путешественников северного полушария – будто навечно застыла в зените».

«Природа не терпит пустоты, и сразу вслед за прекращением попыток освоения этой Terra Incognita, сюда, во всем своем великолепии, вернулась настоящая арктическая жизнь. Добавив к этому особенность арктической природы консервировать памятники старины и этнической культуры этого региона, можно попробовать представить себе безграничное величие и магнетическую притягательность Крайнего Севера».

«Как и повсюду на архипелаге, у нас будет возможность наблюдать полярных медведей и моржей. Привлеченные незнакомыми запахами, медведи могут подходить прямо к борту ледокола, вставать на задние лапы».

«Остров Чамп находится в центре архипелага и славится необыкновенной красоты скалами и „лунными“ ледниковыми куполами – одними из самых высоких на ЗФИ. На этом острове обнаружены интересные природные объекты: камни идеальной сферической формы, размером до трех метров в диаметре».

«Мы планируем зайти в бухту Тихая острова Гукера. Там расположена скала Рубини (восьмидесятиметровая громада, вершина ее всегда скрыта шапкой тумана), ставшая родным домом для тысяч гнездящихся здесь птиц».

Выводы.

На архипелаге Земля Франца-Иосифа возможно проведение исследовательских работ, однако это сопряжено с риском вследствие наличия на островах большого количества людей (пограничников, туристов, полярников) – особенно в летний период.

Вместе с тем следует отметить, что заброшенные военные базы, большая протяженность архипелага с запада на восток и с севера на юг, тяжелые погодные условия создают отличные возможности для выброски на острова ЗФИ компактной исследовательской группы, способной оценить перспективность нефтегазовых слоев архипелага.

Несмотря на высокий риск, аналитическая группа считает возможным проведение исследований. Чем раньше будет дан старт проекту – тем лучше. Не стоит дожидаться ходов конкурирующих корпораций: как российских, так и зарубежных. Для доставки группы на Землю Франца-Иосифа предлагается использовать одно из судов ледокольного типа, находящееся в собственности компании «Норднефтегаз».

Совершенно секретно

Единств. экз.

(подлежит уничтожению после ознакомления с документом исполнителей)

Резолюция на документ № 14/54а

Начальнику службы безопасности ЗАО «Норднефтегаз»

Феропонтову С.В.

Начальнику аналитической группы ЗАО «Норднефтегаз»

Соколову Ю.П.

– обоим: в срок до марта текущего года сформировать группу инженеров из трех-четырех человек, которая будет руководить бригадой рабочих по проекту «Шельф»;

– начальнику службы безопасности Феропонтову С.В. обеспечить финансовую зависимость вышеуказанных сотрудников от корпорации (проигрыш в казино, долгосрочный кредит на квартиру, тяжелая болезнь кого-либо из близких родственников и необходимость дорогостоящего лечения и т. п. – проработать механизм), который позволил бы легко управлять персоналом в кризисной ситуации. Брать только семейных, с детьми;

– Феропонтову С.В.: в срок до апреля текущего года обеспечить формирование рабочей группы, которая будет переправлена на архипелаг вслед за инженерами корпорации и научно-техническим оборудованием. При подборе персонала отдавать предпочтение одиноким людям, из низших слоев общества, оказавшимся в трудной ситуации (без средств к существованию и т. п.). Ни при каких обстоятельствах не извещать рекрутеров о том, где будут проходить исследования. Персонал подбирается на обычную буровую установку;

– обоим: продумать комплекс мер, обеспечивающих информационную безопасность компании: внедрение в среду рабочих «своих» людей, изоляцию либо ликвидацию тех, кто будет задавать слишком много вопросов, пытаться анализировать, где проводятся исследовательские работы, почему они ведутся в условиях секретности;

– по окончании исследовательских работ – независимо от полученного результата – изолировать наемных работников друг от друга. Ввести препарат, разрушающий иммунную систему организма, с тем, чтобы спустя короткий период времени «посвященные» умерли от хронических заболеваний, развивавшихся у них годами;

– о ходе работ по проекту «Шельф» докладывать мне – курьерской почтой. В условиях форс-мажора – члену совета директоров ЗАО «Норднефтегаз» Куроводову А.Н.

Дима Клоков возненавидел мир через полдня после того, как судно вышло в море. Но больше всего он злился на себя: за сволочной характер, за вечное упрямство. За желание гнуть свою линию любой ценой. Теперь, отсюда, с борта судна, двигавшегося в неизвестном направлении по Баренцеву морю, ссора с родителями казалась рыжеволосому парню какой-то пустяковой, надуманной. Несерьезной.

Ну и что из того, что они пытались устроить сына на «теплое» место после университета? Все родители мечтают о том, чтобы дети заняли какую-то хорошую должность. Стабильное и доходное место в жизни. Могли поддержать предыдущее поколение, в тот миг, когда «старикам» понадобится надежная опора, когда уже не останется сил и здоровья, чтобы тащить воз самостоятельно...

Конечно, с таким отцом – директором рекламной фирмы (пусть и небольшой, но крепко стоявшей на ногах) – можно было не один год жить спокойно. Пользоваться связями «предков». Да и отец, что ни говори, немало отложил «на потом». На черный день, на старость.

Там, в Питере, все это казалось мелочным, каким-то тусклым, серым: день за днем – доллар к доллару, капитал к капиталу. Жизнь по накатанной колее, унылые будни. Расписание «отсюда – и до столба», а от столба – до конца жизни.

Дима долго молчал, скрывая раздражение. Крепился, откладывал сложные разговоры на будущее. Но когда мать и отец уселись в гостиной – на следующий день после того, как он успешно защитил диплом, – и принялись обсуждать, куда лучше пристроить сына, он не выдержал.

Взрыв был коротким и мощным. Кажется, «предки» опешили: не ожидали такого от сына. Теперь Дима понимал – он сам виноват: слишком долго молчал, слишком долго копил отрицательные эмоции. Заговорил лишь тогда, когда «давление пара» превысило критическую отметку.

Отец, не привыкший к подобному тону отпрыска, поначалу растерялся, а потом – в ответ на резкие слова Дмитрия – высказался еще более резко. Мол, ты, парень, зарываешься. Не знаешь, какова жизнь. Всегда за спиной родителей отсиживался, не видел настоящей борьбы за существование. Не ведаешь, что это такое.

В итоге: диплом – в мусоропроводе, мобильник и ключи от дома – на столе. И – брошенная матери едкая фраза: вернусь, когда узнаю, что такое настоящая жизнь. Что такое борьба за существование. Почем людям кусок хлеба дается.

...А потом – долгие часы мотаний по апрельским, еще холодным, питерским улицам. Поиск какого-нибудь ночлега, работы для начала – хотя бы сторожем. Только чтоб с комнатой, где можно передохнуть, согреться. Чтоб не надо было возвращаться домой с признанием: «я проиграл».

Как он набрел на контору, набирающую персонал на буровую? Теперь уже трудно восстановить картину в точности. В памяти остались какие-то осколки воспоминаний: окоченевшие пальцы, холодный ветер; одна рекрутерская компания, другая, третья. Везде – улыбаться. Везде – терпеливо заполнять анкеты и отвечать на однотипные вопросы. А работа нужна была не потом. Ни через неделю, ни даже завтра! Сейчас. Сразу! И он нашел: правда, не совсем то, о чем думалось поначалу. Тогда, сидя в небольшом офисе и плохо соображая от голода и усталости, он вяло слушал рассказ про мощь России, про ее черное золото – нефть. Про то, какое множество россиян получает дотации из бюджета – с налогов, которые платят нефтедобывающие компании.

Дима буквально ошалел от обрушившегося на него словесного потока. Кажется, пытался узнать – куда именно вербуют добровольцев. Кажется, задавал еще какие-то уточняющие вопросы. Но в памяти, как ни странно, не осталось ничего – только вновь и вновь рушившийся на него водопад хвалебных речей в честь нефтедобывающих компаний России.

Дело закончилось тем, что Дмитрий Клоков на все махнул рукой и поставил подпись под контрактом. Договор был совсем коротким – лишь на два месяца, и парень решил, что столь небольшой срок – то, что надо для начала. Он свалит из Питера к черту на кулички, немного поработает... А как только договор истечет – можно его и не продлевать. Вернется домой, другим человеком. Или придумает что-нибудь еще, благо деньги будут в кармане.

Мобильника у Димы не было: телефон остался дома, на столе. Да, в принципе, Клоков и не собирался звонить родителям. Хотя, усаживаясь в поезд Санкт-Петербург – Мурманск, невольно вспомнил о матери. Сердце болезненно сжалось, но обида на отца, злость, желание доказать, что он чего-то стоит, оказались сильнее.

Ночью рыжеволосый парень спал, как убитый. Забрался на верхнюю полку, даже толком не познакомившись с попутчиками, и провалился в черный омут...

Зато утром проснулся в отличном настроении – ссоры и проблемы остались во вчерашнем дне. Встать пришлось рано: поезд прибыл на место, едва рассвело. Но даже это казалось увлекательным, романтичным – приключения начинались.

Все изменилось, когда Дмитрий Клоков и другие «техасские рейнджеры» поднялись на борт судна. Уже в тот момент его кольнуло неприятное предчувствие: их всех подвели к трапу так, что невозможно было прочитать название корабля. Команда тоже не отличалась разговорчивостью – она просто исчезла с палубы, словно повинувшись неведомому приказу.

Остался лишь один человек, располагавший скудной информацией о том, что и как надо делать. «Георгий Салидзе», – так он представился. И еще добавил: «Бригадир рабочей группы». Высокий, черноволосый и чернобровый, с горбинкой на носу. На вопросы Жора отвечал уклончиво, часто вместо комментариев улыбался, словно это движение губ было лучшим ответом на все.

Корабль вышел в море вскоре после того, как бригада оказалась на борту. Всех «новобранцев» настойчиво попросили спуститься с палубы вниз, в отведенные помещения. Сделано это было устами того же Салидзе. Жора показал три каюты, предназначенные для завербованных рабочих. Самое любопытное и неприятное заключалось в том, что второй выход из отсека был заблокирован. Пройти дальше по корабельным коридорам не представлялось возможным: только вверх по трапу, на палубу, находится на которой было запрещено.

Волей-неволей пришлось занять место «согласно купленным билетам» и познакомиться с будущими коллегами.

Это знакомство шокировало Диму Клокова. Всего наемных рабочих насчитывалось около полутора десятков. В первой, самой большой каюте пятеро мужиков отчаянно резались в карты. Непарламентские выражения то и дело слетали с их губ. Причем (что особенно неприятно поразило Диму) они обращались друг к другу исключительно по «кликухам». Бывший студент догадался, что эти люди имели за спиной «ходку» на зону, и, возможно, не одну.

Две другие каюты, выделенные наемным рабочим, оказались меньшего размера. В одной из них, рассчитанной на четырех человек, все места были заняты. Двое храпели на койках, а уже знакомый Клокову Георгий Салидзе сидел за столом, разгадывая кроссворд. Он лишь неприятливо вскинул глаза на рыжеволосого парня, когда тот появился в дверях каюты, и тут же снова уткнулся носом в страницы потрепанного журнала. Четвертый «сотоварищ» испугал Дмитрия побольше эков – огромный мужик ростом под метр девяносто, бритоголовый, с перебитым носом, сидел на койке, вытянув ноги. Он тарачился в стену прямо перед собой и на Диму даже не взглянул.

– Слышь, Клоков, – неожиданно сказал Салидзе. – Как правильно писать: «камплемент» или «камплимент», а?

– Ком-пли-мент, – по слогам произнес Дима, внутренне содрогаясь.

«И это наш бригадир? – подумал он. – Боже мой, если нами будет руководить такой неграмотный человек, что мы там вообще нароботаем?!».

Верзила, тупо смотревший в стену, вдруг зевнул и повернулся к Клокову.

– Эй, малой! – сказал он. – Грамотный, што ли? Из большого города?

Дмитрий ничего не ответил, хотя его губы невольно скривились в усмешке. Но детина это заметил, и Димина ухмылка ему явно не понравилась.

– Трава есть, рыжий? – меняя тему разговора, спросил он.

– Про траву можешь забыть, Лишнев, – пробормотал Салидзе, продолжая разгадывать кроссворд.

– Да ладно тебе, – хрустнув набитыми костяшками, гоготнул бритоголовый верзила. – Могу я коллегу спросить, что у него есть, кроме аппетитных бедер?

Кровь ударила в лицо Дмитрия, горячей волной прокатилась по щекам. Он прекрасно понял, что верзила нарывается на скандал. Точнее, на драку. В которой, конечно же, без труда одолеет его, Клокова.

Это было не просто неприятно – унижительно. Начинать карьеру на новом месте с потасовки, в которой у тебя нет шансов на победу. Начинать работу с поражения...

– Краснеет, как целка! – хохотнул верзила, понимающе глядя в глаза Дмитрию.

Он не был таким тупым, каким хотел казаться. Отлично знал, что чувствует невысокий рыжеволосый паренек. И, понимая это, забавлялся Диминой растерянностью.

– Лишнев, про траву можешь забыть! И точка! Не о чем говорить! – сердито повторил Салидзе, бросив короткий взгляд на Клокова, который застыл в проходе.

Бригадир моментально оценил ситуацию и, желая погасить конфликт в зародыше, стал «давить» именно Лишнева.

– Слышьте, там, в трюме... – вдруг раздался сонный голос с верхней койки. – Кончайте базар, а? Дайте поспать человеку.

– А ночью ты что делать будешь? – с любопытством спросил Лишнев. – Я, например, спать собираюсь. И не хочу, чтобы какие-то духи шатались по каюте.

– Сам ты дух, Костя, – добродушно отозвалась верхняя полка. – Ночью я тоже буду спать. Двое суток в дороге, дай в себя прийти.

– Ладно, уговорил, – Лишнев замолчал и снова уставился в стену. То ли потому, что потерял интерес к Клокову, то ли потому, что относился к отдохнувшему наверху человеку с гораздо большим уважением, нежели к выпускнику питерского вуза.

– Ночью тоже будем плыть? – забыв про обиду, спросил у Салидзе Дима.

Он никак не ожидал, что путешествие по морю продлится так долго.

– По морю не плавают, ходят, – отозвался Жора.

– Ходят, – поправил Клоков. И не утерпел: – А когда на место прибудем?

Манера Георгия Салидзе не отвечать на вопросы выводила его из равновесия.

– Когда я скажу, что пора вылезать наверх с вещами – вот тогда и прибудем.

– С вещами на выход! – донеслось из соседней каюты. Слово кто-то подслушал разговор.

И тут же загоготало сразу несколько человек.

– Слышь, парень, – вновь «ожил» верхняя койка. – Ты... это... шагай к себе. Отдыхай покудова. Надо будет – старший прикажет.

– Могу я знать, сколько нам по морю плыть... идти? – резко спросил Клоков, и на его щеках вновь проступили красные пятна. – Что за порядки?!

– Ступай на место! Понял, да?! – черные глаза Салидзе смотрели на Диму в упор. Клоков, несколько секунд «поборовшись» с бригадиром, отвел взгляд. Он проиграл по всем статьям. И ответов на вопросы не получил...

Третья каюта оказалась самой тихой и спокойной. Возможно, это было единственное место на корабле, которое напоминало Дмитрию привычную среду. В ней, кроме самого Клокова, находились двое. Один – парнишка из-под Казани, Саша Гарин, казался в этой компании таким же чужим, как и Дима. Молодой, даже моложе Клокова, светловолосый, с голубыми глазами, он сидел у стены, молча глядя перед собой. Чем-то его поза напоминала позу верзилы-Лишнева, вот только Гарин не просил травы. С ним Дима успел немного поговорить в поезде, утром. Знал, что у парня из родственников – только больная мать, которой требовались деньги на лечение.

История Александра могла бы стать сюжетом для какой-нибудь обличительной статьи или психологической драмы. Закончив восьмилетку, Гарин сразу пошел работать, так как мать его уже в те годы сильно болела, денег на жизнь почти не было. Сашка стал трактористом. Зарабатывал нормально, им с матерью хватало.

Как-то раз, возвращаясь под вечер с дальнего колхозного поля, он заметил впереди машину, плотно «севшую» в огромную лужу. Подъехав поближе, Гарин не без удовольствия признал в ней «семерку» районного военного комиссара Хайрулина. Майора из райвоенкомата недолюбливали многие. Кто за сволочной характер и план по призыву, который Хайрулин стремился выполнять любой ценой, не задумываясь, сколько горя он приносит в дома; кто за взятки, которые ярый «служитель Родины» тряс с родителей призывников и на которые, собственно, приобрел себе машину.

Майор, завидев знакомого тракториста, тут же начал вылезать из легковушки. Сашка злорадно ухмыльнулся, глядя, как ушли в грязь начищенные ботинки офицера. Выскочив на сухое место, Хайрулин стал отчаянно махать руками, приказывая Гарину остановиться. Но Сашка, не сбавляя скорости, промчался мимо. Может, это и сошло б ему с рук, да колесо трактора «Беларусь» ненароком ухнуло в колдобину, и майора обдало фонтаном грязи.

Через несколько дней почтальон сунул в калитку Гариных повестку о призыве на действительную срочную службу. Сашке к тому моменту стукнуло восемнадцать лет, но страна не имела никакого права призывать его в армию – так, по крайней мере, думал парень. Александр Гарин был единственным кормильцем матери-инвалида, а закон запрещает призывать таких на службу. Как уж там Хайрулин обошел правила, кого и где «подмазал» – это мог бы сказать только опытный юрист. Или следователь. А Сашка ничего не понимал ни в законах, ни в своих правах. Он попытался протестовать, но оставалось слишком мало времени, чтобы сделать что-то реальное, заручиться помощью грамотных специалистов. Хайрулин просто запугал парня, пообещал уголовное преследование, если тот не явится на сборный пункт в указанные сроки.

Так Александр Гарин оказался на действительной срочной службе. Как говорится, по просьбе районного военного комиссара, спели ему песню «You in the army now». В любой дру-

гой стране за такие шутки Хайрулина посадили бы на несколько лет, да еще грамотные юристы требовали бы с него огромную денежную сумму в качестве моральной компенсации. У нас, в России, майору все сошло с рук. Как сходит с рук сотням таких же майоров и подполковников.

Конечно, в части, куда попал молодой призывник, быстро разобрались, что закон нарушен. И, не желая вешать на себя статью (а такое запросто могло произойти!), командир учебного отряда тут же отдал приказ: готовить документы на увольнение парня с действительной срочной службы. От греха подальше! Однако, бюрократическая возня с документами растянулась примерно на три-четыре недели, и Сашка Гарин вернулся в родное село только через полтора месяца после того, как Хайрулин отомстил трактористу.

К тому моменту мать Александра Гарина стала совсем плоха – сильно перенервничала из-за единственного сына. За ней некому было присматривать, да и энтузиазм врачей сильно поугас, как только иссяк поток денег, что сын давал на лечение.

Дело закончилось больницей, двумя операциями подряд и долгами, за которые надо было срочно рассчитываться. Вот так Сашка и завербовался на Север – рабочим на буровую установку...

Дима, выслушав под стук колес всю эту историю, постеснялся рассказывать в ответ свою собственную. Лишь теперь он начал понимать, что ему здорово повезло; что у него, оказывается, было очень много, невероятно много... Да только он не умел этого ценить.

Второй сосед Дмитрия по каюте казался здесь еще более чужим, чем Клоков и Гарин, вместе взятые. С первого взгляда Дима приклеил к нему ярлык: «сумасшедший». Или священник? Не на своем месте...

Невысокий человечек с русыми волосами. Полный, словно его накачали изнутри велосипедным насосом. С округлым лицом и маленькими глазками, скрытыми под нависшими кустистыми бровями. Диме он совсем не понравился. Но, чуть поразмыслив над ситуацией, рыжеволосый паренек признал, что лучше уж путешествовать в одной каюте с тихим помешанным, чем, например, с верзилкой, которого Салидзе назвал «Лишневым». Видимо, того отморозка звали Константин Лишнев. «Лишний, – подумал Дима. – Лишнев тут лишний».

Игра слов понравилась Клокову, и он усмехнулся. А потом с горечью подумал, что здесь некому оценить его остроумие. Даже те люди, с которыми Дима мог более-менее сносно общаться, были представителями совершенно другого круга. Александр Гарин – с восьмилетней школой за плечами и мыслями о том, как поскорее вернуть долг за лечение больной матери. И полоумный священник, лет сорока, который уже несколько часов подряд молился, глядя в темное, будто нарочно замазанное копотью стекло иллюминатора.

– А ведь оно не случайно затонировано, – вслух произнес Дима, продолжая развивать мысль.

Сразу вспомнилось, как их рысцой гнали по причалу, к кораблю, не давая возможности оглядеться, прочитать название корабля.

– Они не хотят, чтоб мы... – парень остановился.

То, что происходило, нравилось выпускнику питерского вуза все меньше и меньше.

– Забетонировано? – вяло поинтересовался Гарин. – Что забетонировано?

– Затонировано, – повторил Клоков и тут же понял: он не сможет растолковать трактористу из-под Казани, что имел в виду.

Священник продолжал молиться, не обратив никакого внимания на слова попутчика. Дима Клоков понял, что действовать придется самостоятельно. Для начала следовало проверить, правильно ли он догадался: покрыты ли копотью иллюминаторы и в двух других каютах?

В первой, самой большой, мужики по-прежнему резались в карты. С тех пор, как Дима заходил к ним, прошел час или два, но тут ничего не изменилось. Быть может, за столом поменялись игроки, кто-то перешел в зрители, но суть происходящего не поменялась ни на йоту:

все тот же сленг, все тот же азарт. На вошедшего парня они не отреагировали; впрочем, Дима им долго не надоедал – бросив взгляд на иллюминаторы, убедился, что прав: и отсюда невозможно что-либо разглядеть за бортом.

Оставалась каюта «Салидзе, Лишнев и компания». Входить туда очень не хотелось, но Дима был упрям и любил доводить начатое до конца. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, когда Клоков вошел и сразу же наткнулся на взгляд Лишнева.

«Да, с таким попутчиком – гляди в оба, чтоб самому не стать лишним. На борту или за бортом...», – Дима быстро перевел глаза на иллюминаторы – и здесь все то же самое. Черная копоть на стеклах. «*Это уже система*».

От Георгия Салидзе не ускользнули ни интерес Дмитрия к закопченным иллюминаторам, ни его усмешка.

– Что тебе, Клоков? – неприязненно спросил бригадир. – Вопросы какие?

– Скорее, ответы, – невольно копируя тон Салидзе, парировал Дима.

Что-либо объяснять он не планировал. Равно, как и задавать вопросы. Клоков уже понял, что никто, кроме Салидзе, ответов не знал, да и не интересовался ими. А Жора ничего объяснять не хотел.

– ...Или у него нет таких инструкций, – пробормотал Дмитрий, возвращаясь в свою каюту.

Следовало накапливать информацию. По возможности незаметно, не привлекая внимания бригадира. А уж потом, когда появится основа для построения гипотез, тогда...

Но вскоре Диме Клокову стало не до гипотез и не до мыслей. Во второй половине дня началась качка, и парень пришел к выводу, что плохо приспособлен для «прогулок» по арктическому морю. До этого они втроем, с отцом и матерью, пересекали Черное море на небольшом прогулочном лайнере, ходили на пароме в Финляндию и Швецию по Балтийскому морю. Дима искренне считал, что у него с морской болезнью «все в порядке». В том смысле, что это – не его ахиллесова пята.

Баренцево море очень быстро убедило Клокова в обратном. Состояние дискомфорта поначалу не очень беспокоило Диму. Возможно, потому, что ощутимая качка появилась не сразу. Первые несколько часов морского путешествия прошли довольно тихо, и только теперь, ближе к вечеру, Клоков начал понимать, что желудок у него не на месте.

От ужина Дима отказался, к удивлению своих спутников. Однако вопросов никто задавать не стал, только черные пронзительные глаза Салидзе долго изучали парня. Дима забился в угол своей каюты, лег, но лучше не стало. Закрыв глаза, Клоков представлял, как судно взбирается на огромную гору. Потом, чуть повисев на вершине, начинает скользить обратно, в пропасть. Корабль делал все очень неторопливо, деловито, преодолевая милю за милю по Баренцеву морю. Куда-то к неведомой цели, до которой было еще черт-те сколько часов пути.

Труднее всего было ожидание. Вот корабль, взобравшись на вершину водяной горы, замирает на мгновение, готовясь начать движение вниз. Уже зная, что сейчас изменится вектор движения, ждешь этого, готовишься, чувствуешь – будет хуже. И, действительно, спустя миг, корабль переваливается через гребень, «клюет» носом. Начинается медленное, неторопливое скольжение к нижней точке. Где опять будет короткая пауза, а затем опять смена вектора движения, путь вверх. И так до бесконечности...

Дима плохо помнил, в какой момент качка умотала его настолько, что не осталось сил сопротивляться. Он даже не мог посмотреть на часы, когда, упираясь руками в стены, пополз в ватерклозет. Рвота не принесла облегчения. Корабль все так же нырял в пропасть и взбирался на горы. Спазмы выворачивали тело Клокова, он дрожащими руками хватался за стены маленькой кабинки, все отчетливее понимая, что до утра не доживет. «Остановите Землю, я сойду. Остановите Землю, я сойду», – вертелось в голове, словно бы пластинка заела на этой избитой, глупой фразе.

«Остановите Землю, я сойду...»

Все осталось в прошлом: университет, выпускные экзамены, дипломный проект, на который было убито столько нервов и сил. И сам диплом, полетевший в мусоропровод, и ссора с родителями – это жило в другом измерении, в котором нет и никогда не было Дмитрия Клокова. Маленький измученный человечек стоял на коленях возле отхожего места, трясущимися руками упираясь в грязный пол. Один. Посреди бесконечного океана, которому не было дела до надвигающейся смерти еще одного проигравшего схватку. Лузера...

– Их столько на дне, – прохрипел Дмитрий, в перерывах между приступами рвоты. – Одним больше, одним меньше. Ему нет дела... Сука.

– Кого «их»? – раздался за спиной тихий голос.

– Людей, – не открывая глаз, пробормотал Дмитрий.

– Совсем плохо, да? – чья-то мягкая ладонь легла на спину.

Клокову показалось, что в этот момент стало чуть легче. Сразу вспомнилось – так было в детстве, когда он тяжело болел. Метался по кровати с высокой температурой, а мама садилась рядом и клала руку на его лоб.

Сейчас рука скользнула на плечо, и это не была ладонь матери. Сил, чтобы говорить, не нашлось, а потому в ответ на заданный вопрос Дима только вяло кивнул.

– Терпи, пожалуйста, – произнес тот, кто стоял за спиной Димы. – Трудно. Очень трудно. У меня тоже было так в первый раз. Терпи. Испытания нам дает Бог, чтоб мы стали сильнее.

Клоков попытался засмеяться, но только зашелся в хриплом кашле, спазмы скрутили внутренности. Дмитрий догадался, что позади него – тот самый святоша, сумасшедший сосед по каюте.

– Возможно, Господь наказывает тебя за какие-то ошибки, – продолжил собеседник. – Возможно, ты причинил зло или боль кому-то из близких. Утешься тем, что сейчас ты страдаешь, но тем самым искупаешь свой грех...

– Мне стало легче от понимания этого! – со злостью выкрикнул Клоков, из последних сил отталкиваясь от пола.

Устоять на ногах он не смог – все кружилось: стены, лампочка на потолке, грязная дыра в полу ватерклозета. Колени подкосились, и Дима точно упал бы, если бы сильная рука не поддержала его.

– Часто бывает так, что помощь нужна не только на физическом уровне, но и на духовном, – пробормотал сосед по каюте, вытаскивая парня в коридор.

– Умру тут... – цепляясь за выступы стен дрожащими руками, прошептал Дима. – Прости, мама.

– Тебе на воздух надо. Погоди, сейчас поднимемся на палубу, станет легче...

Коридор раскачивался из стороны в сторону; святоша, тяжело дыша, тащил Диму вперед.

– Одышка у меня, – как-то смущенно, словно извиняясь, объяснил сосед по каюте.

Диму это ничуть не волновало. Как и многое другое. Он с трудом понял, что под ногами железные ступеньки. Попытался упираться в них, когда его поволокли наверх.

– Куда?! Стоять! – раздался за спиной властный голос. – Фокин, стоять!

Святоша тут же остановился и выпустил Клокова из рук. Диме было абсолютно безразлично, кто еще появился в коридоре. Схватившись за поручни, он начал сползать вниз, пока не ткнулся лбом в какую-то холодную железяку. Это принесло облегчение.

– Георгий, нашему коллеге очень плохо. Морская болезнь.

Здесь, на трапе, ведущем наверх, было чуть легче дышать, чем в каюте с задраенными иллюминаторами. Дима нашел в себе силы, чтобы открыть глаза. Его сосед по каюте – Фокин – стоял напротив Георгия Салидзе, что-то тихо объясняя бригадиру.

– Без моего разрешения никто не имеет права подниматься наверх! – холодно отрезал Салидзе.

– Так дай его! – тут же откликнулся Фокин, не обращая никакого внимания на резкий тон бригадира. – Вряд ли ты будешь рад, если потребуется вызывать медицинский вертолет, чтобы снять человека с борта судна.

Салидзе только оскалился в ответ. Фокин посмотрел на бригадира и вздрогнул. Дима закрыл глаза. Он, как и сосед по каюте, понял: никто не будет вызывать медицинский вертолет. Либо ты, Клоков, сможешь выдержать это, либо... На дне много неудачников, не сумевших найти место в жизни – наверху.

– Побойся Бога, Георгий! – тихо, но внушительно произнес Фокин. – Мы все отвечаем за свои поступки, перед...

– Оставь проповеди для таких, как он! – нетерпеливо перебил бригадир. – Не «лечи» меня, Святослав.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Фокин. И вдруг спросил Георгия: – Нанимали рабочих с запасом или точно в норму?

– Что? – растерялся Жора.

– Ну... – не сразу нашел нужные слова Святослав. – На любой буровой есть что-то вроде штатного расписания. Так? Полный комплект персонала, сколько должно быть. Набрали комплект?

– Да, – помедлив, ответил Салидзе.

– Тогда береги тех, кого набрал! – с легким нажимом сказал Фокин. – А то, если начнешь с первого дня разбрасываться людьми, скоро работать некому будет. Останешься один за всех.

Свежий воздух, такой близкий, желанный, до которого оставалось пройти всего несколько метров по трапу, придал Диме сил. Он поверил Святославу Фокину, поверил в то, что стоит добраться до палубы – и станет легче. Что до конца мучений – лишь несколько минут. Шагов. Только разрешение бригадира... Клоков приоткрыл глаза, с мольбой посмотрел на Салидзе.

Видимо, Фокин обладал даром убеждения. Бригадир, хоть и с большой неохотой, согласился на предложение святоши.

– Хорошо! – сквозь зубы процедил Салидзе. – Вытащи его наверх, но стоять только возле двери! Ни шагу на левый борт! Ни шагу вперед! А то оба на корм рыбе полетите. Все понятно?

– Господь возблагодарит тебя за великодушие, – смиренно произнес Святослав.

Выбираясь на палубу, Дима с тоской подумал о том, что в другое время послал бы на три буквы Жору – за его наглый тон, за жестокость. За пальцезагибание, устроенное совершенно не по делу.

Но теперь он, один из лучших выпускников питерского университета, сын обеспеченных родителей, стоял, забыв про гордость и самоуважение, – получеловек-полуинвалид на скорлупке, мотавшейся посреди огромного моря. Стоял молча, проглотив хамство Салидзе. Человека, не знавшего, как пишется слово «комплимент». Да, Жора был здесь царем и богом, а потому мог оставить молодого парня умирать в трюме, мог выбросить за борт. Мог – по-королевски – подарить жизнь, позволив вдохнуть свежий морской воздух в компании Святослава Фокина.

Через какое-то время парню стало лучше. Холодный, обжигающий воздух продул легкие, наполнил их кислородом, разорвал на клочки и унес мысли о том, что мир – это качающиеся стены ватерклозета. Нет, мир – это бесконечность. Ледяной ветер. Яркие, колючие звезды над головой, совсем близко. Протянешь ладонь, и любая из них тут – горячая, переливающаяся, способная исполнить загаданное желание.

– Хорошо, – всхлипнув, прошептал Дима. Против его воли глаза наполнились влагой, может быть, от резкого ветра. – Спасибо, Святослав.

– Благодарю не меня. Благодарю Всевышнего, – покачал головой Фокин. – Часто бывает так: думаешь, финал. Нет выхода. Стены кругом. Все. Конец. Но выход есть. Надо только увидеть.

– Надо только увидеть, – повторил Клоков, цепляясь за леера.

Корабль по-прежнему взбирался на гребни и соскальзывал вниз, в водяные ямы, но отсюда, сверху, все казалось другим. Тошнота не ушла совсем, но отступила, стала не такой мучительной.

– Долго стоять нельзя, – вдруг сказал Фокин. – Холодно. Ветер.

– Слава, мне бы тут побыть, – умоляюще пробормотал Дмитрий. – Можно?

Спускаться вниз, в духоту прыгающей вверх-вниз каюты совсем не хотелось. От мыслей о замкнутом пространстве тошнота мгновенно усилилась.

– Хорошо, я принесу теплую одежду, – согласился попутчик. – Помни о том, что сказал Георгий, – никуда не ходи, стой только здесь.

– Угу, – радостно кивнул Дмитрий.

– И еще, – Святослав замолчал, оглянулся на проем, темневший за спиной. Потом, наклонившись к самому уху Клокова, сказал. – Будь аккуратнее с Салидзе. Если он появится здесь, наверху, лучше уйди в каюту. Не испытывай судьбу.

На миг глаза молодого парня из Питера и сорокалетнего мужчины встретились, и Дима прочел то, что бывший священник не сказал вслух.

«Салидзе выбросит тебя за борт, как только дашь ему повод».

Осознавать это было неприятно, однако, как ни странно, Диме стало легче. Из него вдруг – за какие-то часы – выветрилась городская дурь, изнеженность, привычка передвигаться по проторенным маршрутам. А теперь, уяснив позицию бригадира и поговорив со Святославом, парень внутренне собрался. Как волчонок, который еще не научился догонять жертву через «не могу», но уже почуял, насколько призрачна грань между *этим* миром и *тем*. Клоков начал постепенно понимать, что такое настоящая жизнь. Жизнь, в которой тебя – если будешь слабым – могут выбросить за борт. Ничего не объясняя, не страдая комплексами по данному поводу. Жизнь, про которую говорил отец.

– Значит, я должен научиться быть сильным, – пробормотал Дмитрий, цепляясь оледеневшими руками за леера. – Но, Господи, как мне плохо... Дай силы пережить все это...

Совершенно секретно

Единств. экз.

Президенту ЗАО «Компания „Норднефтегаз“

Крутову О.А.

от начальника службы безопасности

Феропонтова С.В.

Докладная записка № 14/55b

Настоящим извещаю Вас, что по проекту «Шельф» сформирована группа подсобных рабочих в количестве четырнадцати человек. Кандидатуры отбирались в соответствии с перечнем требований, разработанным аналитическим отделом и завизированным Вами. Проверены Соколовым Ю.П. Краткие характеристики и фотографии наемных рабочих прилагаются к документу.

Транспортировка инженерной группы, обслуживающего персонала и оборудования, необходимого для исследований, была выполнена на объект в установленные Вами сроки. Никаких осложнений с пограничниками, военными и проч. по факту присутствия судна ледокольного типа нашей компании вблизи Земли Франца-Иосифа не возникло.

Начата вторая фаза: переброска на объект группы рабочих. Прибытие этой партии к месту исследований ожидается завтра. Прогноз благоприятный: сильный туман, низкая облачность, возможен снегопад.

Командиру судна отдан приказ: сразу после высадки новой группы отдалиться от архипелага, приступить к исследованиям и картографированию морского дна (в соответствии с зашифрованной в правительстве РФ программой), к островам ЗФИ не приближаться до получения условного сигнала.

Совершенно секретно

Единств. экз.

*(подлежит уничтожению после
ознакомления с документом исполнителей)*

Резолюция на документ № 14/55b

Начальнику службы безопасности ЗАО «Норднефтегаз»

Феропонтову С.В.

Начальнику аналитической группы ЗАО «Норднефтегаз»

Соколову Ю.П.

– Феропонтову С.В.: еще раз проинструктировать командира судна о режиме радиомолчания с архипелагом, доклады «материку» только в кодовом варианте;

– обоим: проработать комплекс мер по организации беспорядков на погранзаставе Нагурская (побег военнослужащих, авария в поселке) в случае интереса пограничников к проекту «Шельф»;

– сформировать группу экстренной ликвидации проекта «Шельф» на случай возникновения форс-мажора (вариант «Зомби»); подобрать кандидатуру командира группы ликвидации, представить мне на утверждение лично.

О ходе работ по проекту «Шельф» докладывать мне – курьерской почтой. В случае форс-мажора – члену совета директоров ЗАО «Норднефтегаз» Куроводову А.Н.

Святослав Фокин не поленился второй раз подняться на палубу, чтобы принести Дмитрию теплую куртку. В ней переносить ветер и стужу было значительно проще.

– Спасибо, – еле выговорил Клоков застывшими от холода губами, не зная, как еще благодарить почти незнакомого человека, с которым его свела судьба.

Диме припомнилось: еще несколько часов назад он называл Фокина не иначе как «сумасшедший», «святоша». Теперь ему было очень стыдно. Жизнь преподнесла урок: тот, кого Клоков считал нелепым и смешным, оказался во сто крат внимательнее и человечнее, чем все остальные его попутчики.

Даже Сашка Гарин, с которым Клоков вроде бы «сошелся», – и тот преспокойно спал, оставив нового приятеля наедине с бедой. «Мои проблемы – это мои проблемы. А не мои проблемы – они и есть не мои». Получалось так. И только Святослав Фокин, каким-то чудом прознавший, что парню плохо, посреди ночи бросился искать Клокова. И не покинул его в трудную минуту, не отделался дежурными фразами соболезнования, а нашел выход из ситуации. Более того, сумел убедить Георгия Салидзе в своей правоте.

– Мне побыть с тобой или справишься? – вместо ответа на благодарность спросил Святослав.

– Я лучше сам, – честно признался Дима.

Ему действительно хотелось побыть одному. Наедине с ночью, пронизывающим ветром и звездами. Необходимо было еще раз все переосмыслить, найти силы не где-то вовне, а внутри себя. С тем, чтобы стать другим.

– Хорошо, – кивнул Фокин. И, уже собираясь спускаться вниз, добавил: – Будь аккуратен на палубе, помни, что никто не поможет. Кроме тебя. И Бога.

Дмитрий кивнул, а потом не удержался:

– Святослав!

Невысокий круглый человечек замер на полушаге, занеся ногу над высоким порогом.

– Да?

– Ты ведь священник? – спросил рыжеволосый парень.

– Раньше был. Сейчас – я твой коллега. Возблагодарим Господа за то, что так вышло.

– Зачем ты здесь, Святослав? Это не твое место.

Фокин медленно опустил ногу. Обернулся, с недоумением посмотрел на молодого собеседника.

– Везде, где люди – есть место для Бога. И для того, кто несет *это* в своем сердце.

Клоков не нашел, что ответить. Станный – но никак не сумасшедший – сосед Дмитрия исчез внизу, в темноте.

– Прости, Слава, – прошептал Дима.

Огромные волны выростали перед носом судна, разбивались о борт корабля. Словно бы норовили слизнуть с палубы все, что там находилось, но им не хватало размаха.

– А ведь мне еще повезло, – вслух произнес парень после долгих минут созерцания этой картины. – Будь ветер посильнее и волны повыше, мне бы не позволили подняться на палубу. Умер бы этой ночью...

Звезды молча смотрели на мальчишку из Питера, который всего за несколько часов стал старше на много-много лет.

– Умер бы на грязном полу ватерклозета, – грустно усмехнулся Дима и покачал головой. – Такая вот, блин, история с хеппи-эндом.

Планета Земля медленно поворачивалась под кораблем, который висел над водой, как на качелях, подвешенных за серебряные нити – лучи звезд. Небесные светила, словно играя, раскачивали судно. Баренцево море лизало днище огромного ледокола, ползущего к какой-то неведомой точке, чьи координаты были известны лишь капитану судна. И, наверное, Георгию Салидзе.

К утру качка уменьшилась – ветер стихал. Дмитрий Клоков, который большую часть ночи провел наверху, на палубе, наконец-то смог забыться лихорадочным сном. Это был совсем другой сон, не свойственный нормальному человеку. Даже провалившись в забытие, Дима продолжал вместе с кораблем вздыматься на водяные горы. Затем, повисев на вершине, долго и монотонно падал вниз, в темную пропасть.

Прежде чем удалось заснуть, Клоков долго лежал под одеялом, подтянув ноги к животу, сжавшись в комок. Он страшно продрог, да и нервный шок сказывался. Но в конце концов мозг «отключился», и это было избавлением от мук.

Подполковник внутренних войск в отставке, Дмитрий Александрович Смердин, имел все основания быть довольным жизнью. Уволившись в запас, он сумел по знакомству устроиться в очень неплохую частную «контору» – закрытое акционерное общество «Норднефтегаз». Впрочем, «очень неплохую» – это слабо сказано. Очень крутую. Это вернее. Уже полтора года Дмитрий Смердин работал там инструктором по подготовке охранников. Любой серьезный бизнес нуждается в профессиональной защите – аксиома, которая была очень хорошо известна руководству «Норднефтегаза». Смердин не задумывался над тем, когда именно эту аксиому принял

на вооружение президент ЗАО: с первых дней существования компании или в эпоху кровавых войн концернов друг с другом.

Важно было другое – компания интересовалась профессионалами серьезного уровня, а Смердин, уйдя в запас, нуждался в подходящей работе в солидной компании. Так они нашли друг друга.

Поначалу Дмитрий Александрович отвечал за довольно простые операции. Ему поручили тренинг персонала, занимавшегося охраной промышленных объектов ЗАО «Норднефтегаз»: чтение курсов по размещению систем видеонаблюдения, по скрытой записи аудио- и видеосигнала. Со временем бывшему взвэшнику доверили стрелковую подготовку охранников. Курс стал более целенаправленным. Теперь подполковник мог лучше ознакомиться с «деловыми качествами» учеников, мог выделить среди них наиболее интересных и способных. Позднее, когда вышестоящее начальство убедилось в лояльности Смердина, бывшему офицеру намекнули, что зарплата и премиальные могут существенно вырасти, если...

Дмитрий Александрович прекрасно отдавал себе отчет в том, какие «если» бывают у крупного бизнеса. Громкие публичные скандалы, убийства политиков, чиновников и бизнесменов, похищения взрослых и их детей – все это происходило не в ином измерении: в Москве.

Иллюзий или убеждений, которых нельзя было бы продать, у подполковника не осталось еще со времен службы во внутренних войсках. Он не понаслышке знал, как делаются крупные дела. А потому с первых дней работы в компании «Норднефтегаз», втайне ждал именно *какого-то такого* предложения. Но руководство, как и следовало это предвидеть, долго и внимательно присматривалось к новичку. Всё не решаясь доверить ему действительно серьезные вещи. Именно тогда Дмитрий Александрович Смердин окончательно убедился в том, о чем подозревал давно: *«Серьезный бизнес не может быть построен на легальной основе».*

«Норднефтегаз» располагал группами силового воздействия на конкурентов и партнеров по рынку, на PR-структуры, работавшие над имиджем «противника», на купленных чиновников и депутатов, которые поставляли концерну нужную информацию и лоббировали интересы акционерного общества.

И потому силовым группам требовались по-настоящему серьезные специалисты. Скажем, чтобы получить информацию о каком-нибудь маленьком АО «Хренопупинскгаз», какое хотел проглотить «Норднефтегаз», недостаточно было запугать соответствующего налогового чиновника. Нужно было вытащить из него баланс предприятия за последние три-пять лет. Порой возникала необходимость проверять и перепроверять цифры с помощью реальных людей, далеко не всегда соглашавшихся предоставлять нужную информацию... В том смысле, что они не всегда соглашались *сразу*. Потом-то уж, понятное дело, выбора у них не было. В руках специалистов из группы промышленной разведки мало кто мог не заговорить. Уж если за дело берется серьезное ведомство, то и результат будет выдан по полной программе.

Так и шла жизнь Дмитрия Александровича: от одной интересной «работы» до другой. От одной премии – к следующей. Пока однажды ему не предложили задуматься над задачей, успешное разрешение которой могло стать либо вершиной его карьеры, либо – гвоздем в крышку его гроба. Или – и то, и другое сразу.

Потому что, как понял подполковник ВВ, проект «Шельф» был до такой степени нагл и беспардонен, что убрать могли не только исполнителей. А вообще всех тех, кто в *курсе проблемы*. Бывший взвэшник отлично сознавал «перспективы».

И все же, он так же прекрасно понимал, что отступать некуда. В сущности, теперь, когда ненадолго прилетевший в Россию Олег Крутов ознакомил Дмитрия Смердина с материалами проекта «Шельф», вариантов было всего два: либо он согласится возглавить группу ликвидаторов, либо скажет «нет» и проживет после этого еще несколько часов. Возможно, даже меньше часа. Или просто не выйдет из кабинета президента акционерного общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.